

— Супруг, брат, вы... вы... — Ли Чэнъе с недоверием наблюдал за происходящим, его голос невольно дрогнул.

Ли Циньи, видя такую реакцию Ли Чэнъе, лишь поморщился. Его откровенно корбило это жеманное, притворно-невинное поведение. Хотя в воспоминаниях он и видел нечто подобное, столкнуться с этим вживую оказалось куда сложнее.

Сделав еще один незаметный, но решительный шаг назад, чтобы окончательно разорвать дистанцию с ваном Цзинем, Ли Циньи наконец выдохнул. Судя по виду Ли Чэнъе, добром это не кончится, так что лучше держаться подальше.

И точно, Ли Чэнъе снова начал свое представление:

— Супруг! Неужели тебе мало меня? Почему ты не можешь оставить брата в покое? Умоляю, супруг, брат — единственная надежда нашего отца, смилуйся над ним, прошу тебя! Ну же, прошу!

С этими словами Ли Чэнъе бросился вперед, вцепился в полы халата вана Цзиня и с глухим стуком опустился на колени.

— Отпусти! — этот жест заставил вана Цзиня очнуться. Посмотрев на свои пустые руки, он сжал кулаки. Гнев, клокотавший в груди, нашел выход, и подвернувшийся под руку Ли Чэнъе естественным образом стал громоотводом.

Бросив на Ли Циньи яростный взгляд, ван Цзинь раздраженно рявкнул на Ли Чэнъе:

— Чего ты пришел? Не видишь, мы с твоим братом заняты важным разговором? Как можно быть такой невоспитанной?

Хотя слова были адресованы Ли Чэнъе, целью вана Цзиня было осадить Ли Циньи. Если бы тот не проявил такой дерзости, посмеив отвергнуть его объятия, ван Цзинь не стал бы так грубо отчитывать Ли Чэнъе, несмотря на раздражение от его шума. Ван Цзинь был убежден: уже одно то, что он снизошел до близости, — великая милость, а Ли Циньи, неблагодарный, еще и намекал, что хочет большего!

Ван Цзиню казалось, что Ли Циньи изменился. Раньше он был таким чистым, а теперь, спустя всего несколько дней разлуки, научился строить намеки и требовать внимания.

Что ж, ван Цзинь по привычке принял отказ Ли Циньи за кокетство. Размышляя так, он начал смотреть на Ли Циньи с еще большим подозрением: оказывается, тот вовсе не наивен, а просто тратит все силы на то, чтобы добиться его расположения.

От этой мысли настроение вана Цзиня мгновенно улучшилось. Он двусмысленно улыбнулся Ли Циньи, выражая всем видом: я все понимаю, можешь не скрывать. Затем ван Цзинь похлопал

его по плечу и, сочтя себя невероятно деликатным, бросил:

— Давно не виделись, пообщайтесь с братом, — и удалился.

Ли Циньи и Ли Чэнъе остались стоять, глядя друг на друга. В конце концов, Ли Циньи, как старший брат, решил первым нарушить неловкое молчание:

— Как ты поживаешь в резиденции вана Цзиня?

Под пронзительным взглядом Ли Циньи, казалось, видевшим его насквозь, Ли Чэнъе перестал удерживать маску скорби. Он тревожно взглянул на брата, осторожно вытер слезы и, приоткрыв рот, замаялся, словно не решаясь произнести слова.

— Брат, ты... не винишь меня? Если бы не я, вы с ваном могли бы... могли бы стать парой. — Ли Чэнъе нервно теребил край одежды, глядя на Ли Циньи с такой мольбой, будто одно резкое слово могло его сломать.

Такое поведение вызывало у Ли Циньи лишь отвращение. Человек, похожий на него внешне, корчит из себя такое подобие стыдливости — тошно смотреть!

В глазах Ли Циньи сверкнула злость. Раз уж Ли Чэнъе не дает ему покоя, не стоит жаловаться, если он надавит на больное. Вызывающе приподняв бровь, Ли Циньи насмешливо произнес:

— А что толку винить или не винить? Ты всего лишь замена, какая из тебя помеха? Если я захочу, от твоего величия не останется и следа.

Ли Циньи хорошо знал Ли Чэнъе: из-за своего сомнительного происхождения тот больше всего на свете ненавидел, когда на него смотрели свысока или видели в нем лишь тень другого человека, особенно тень самого Ли Циньи. Сейчас он ударил по обоим фронтам — Ли Чэнъе наверняка внутри кипел от ярости.

Так и вышло: услышав это, Ли Чэнъе застыл. Лишь спустя несколько секунд он с видом великомученика покачал головой:

— Брат, как ты можешь такое говорить? Кто ты такой? Ты не мой брат!

— Довольно! — Ли Циньи, не выдержав этого жеманства, резко оборвал его:

— Ли Чэнъе, я не дурак. Ты прекрасно знаешь, кто ты есть на самом деле, не вынуждай меня выкладывать все прилюдно.

Проклятье! Что значит кто я есть на самом деле?! В душе Ли Чэнъе бушевал шторм, но он глубоко вздохнул, стараясь вернуть на лицо выражение кротости.

— Брат... как ты можешь так говорить? Разве я сделал что-то не так? — с этими словами он

закрыл лицо рукавами.

Скрывшись за тканью, Ли Чэнъе перестал притворяться. Его лицо исказила гримаса такой леденящей злобы, что от прежнего милого образа не осталось и следа. У него действительно были свои методы: всего пара фраз — и слуги вокруг уже сочувствовали ему. Увы, этот ум он направлял не в то русло.

Ли Циньши покачал головой, разочарованно вздохнув:

— Хитрость есть, а кругозор узкий. Если бы ты был поумнее, мог бы развлечь меня, а так... жаль.

Сказав это, Ли Циньши не спеша ушел. Ли Чэнъе остался стоять в одиночестве, наслаждаясь объятиями осеннего ветра и чихая от пронизывающего холода.

Ли Циньши, ты у меня дождешься! Если я не отомщу, то сменю фамилию! В ярости Ли Чэнъе окончательно потерял рассудок, позабыв, что фамилия у них одна.

Выйдя из резиденции, Ли Циньши направился в чайную, где рассказчик как раз в красках вещал о легендарной истории любви вана Цзиня. Тот в рассказе представлял высоким и статным героем, а Ли Чэнъе — добросердечным юношей, чья встреча была предначертана судьбой в награду за их праведные деяния в прошлой жизни.

Услышав это, Ли Циньши не сдержался и прыснул со смеху. Бросив на стол мелкую серебряную монету, он напоследок взглянул на рассказчика и вышел.

Одежду, до которой дотрагивался ван Цзинь, он еще не сменил. Чтобы не подхватить этот странный вирус слабоумия, Ли Циньши решил, что разберется со всем после того, как примет ванну. Вспомнив те самые незабываемые объятия вана, Ли Циньши невольно сбился с шага, а затем ускорил ход.

Вернувшись в поместье, Ли Циньши заметил, что дворецкий смотрит на него так, будто хочет что-то сказать, но медлит. Спеша в ванную, Ли Циньши не стал расспрашивать. Убедившись, что от бывлой скверны не осталось и следа, он вышел, чувствуя себя обновленным.

Видя, что дворецкий все еще мнется, Ли Циньши игриво приподнял бровь:

— Дядя Чжун, ты уже знаешь?

— А... А?! Молодой господин! — Ли Чжун от неожиданного приближения Ли Циньши вздрогнул и отвел взгляд. — Господин велел вам зайти в кабинет.

— Хорошо, — Ли Циньши не стал мучить дворецкого и легко согласился.

Похоже, отец-канцлер все обдумал, раз решил открыть дворецкому правду о его личности. Ли Циньши задумчиво постучал пальцами по бедру, размышляя о позиции отца. Он что, через дворецкого намекает, что я могу пользоваться именем канцлера, но не должен рассчитывать, что меня будут считать настоящим Ли Циньши? Как любопытно.

Ли Циньши был человеком воспитанным: раз уж занял чужое тело, нужно соблюсти все приличия. Отец, приняв решение, не стал препятствовать. Это был их молчаливый ритуал, после которого канцлер официально признавал Ли Циньши своим сыном.

Закончив церемонию, Ли Циньши поднялся. Канцлер смотрел на его стройную, прямую фигуру и невольно терялся: это тело его сына, но внутри — другой человек. Впервые канцлер посмотрел на Ли Циньши с теплотой.

— Я помогу тебе с желанием Ци Ханя. Но ты должен пообещать: когда дело будет сделано, ты отдашь мне Ли Чэнъе. — В глазах канцлера мелькнула холодная решимость.

Канцлер никогда не жаловал этого сына. Если бы тот не умел ублажать своего старшего брата, от Ли Чэнъе в поместье давно бы и следа не осталось. Но теперь эта игрушка посмела возомнить себя хозяином, и оставлять его в живых было нельзя. Чтобы стать канцлером государства Хуа, нужно обладать твердым характером, и жалость была не в его правилах.

Ли Циньши, услышав требование, равнодушно согласился. Он как раз не знал, куда деть Ли Чэнъе после завершения миссии, так что, если отец хочет отомстить за своего настоящего сына, он с радостью окажет эту услугу.

Видя такую покладистость, канцлер в ответ поделился новостью:

— Насчет того человека, с которым ты собрался покончить, я уже все подготовил.

<http://bllate.org/book/22152/2307609>